

АПТЕКАРША

Городишко Б., состоящий из двух-трех кривых улиц, спит непробудным сном. В застывшем воздухе тишина. Слышно только, как где-то далеко, должно быть за городом, жидким, охрипшим тенорком лает собака. Скоро рассвет.

Все давно уже уснуло. Не спит только молодая жена провизора Черномордика, содержателя б-ской аптеки. Она ложилась уже три раза, но сон упрямо не идет к ней - и неизвестно отчего. Сидит она у открытого окна, в одной сорочке, и глядит на улицу. Ей душно, скучно, досадно... так досадно, что даже плакать хочется, а отчего - опять-таки неизвестно. Какой-то комок лежит в груди и то и дело подкатывает к горлу... Сзади, в нескольких шагах от аптекарши, прикорнув к стене, сладко похрапывает сам Черномордик. Жадная блоха впилась ему в переносицу, но он этого не чувствует и даже улыбается, так как ему снится, будто все в городе кашляют и непрерывно покупают у него капли датского короля. Его не разбудишь теперь ни уколами, ни пушкой, ни ласками.

Аптека находится почти у края города, так что аптекарше далеко видно поле... Она видит, как мало-помалу белеет восточный край неба, как он потом багровеет, словно от большого пожара. Неожиданно из-за отдаленного кустарника выползает большая, широколистая луна. Она красна (вообще луна, вылезая из-за кустов, всегда почему-то бывает ужасно сконфужена).

Вдруг среди ночной тишины раздаются чьи-то шаги и звяканье шпор. Слышатся голоса.

«Это офицеры от исправника в лагерь идут», - думает аптекарша.

Немного погодя показываются две фигуры в белых офицерских кителях: одна большая и толстая, другая поменьше и тоньше... Они лениво, нога за ногу, плетутся вдоль забора и громко разговаривают о чем-то. Поравнявшись с аптекой, обе фигуры начинают идти еще тише и глядят на окна.

- Аптекой пахнет... - говорит тонкий.- Аптека и есть! Ах, помню... На прошлой неделе я здесь был, касторку покупал. Тут еще аптекарь с кислым лицом и с ослиной челюстью. Вот, батенька, челюсть! Такой именно Сампсон филистимлян избивал.

- М-да... - говорит толстый басом. - Спит фармация! И аптекарша спит. Тут, Обтесов, аптекарша хорошенькая.

- Видел. Мне она очень понравилась... Скажите, доктор, неужели она в состоянии любить эту ослиную челюсть? Неужели?

- Нет, вероятно, не любит, - вздыхает доктор с таким выражением, как будто ему жаль аптекаря. - Спит теперь мамочка за окошечком! Обтесов, а? Раскинулась от жары... ротик

полуоткрыт... и ножка с кровати свесилась... Чай, болван аптекарь в этом добре ничего не смыслит... Ему небось что женщина, что бутылка с карболкой - все равно!

- Знаете что, доктор?- говорит офицер, останавливаясь .- Давайте-ка зайдём в аптеку и купим чего-нибудь! Аптекарьшу, быть может, увидим.

- Выдумал - ночью!

- А что же? Ведь они и ночью обязаны торговать. Голубчик, войдемте!

- Пожалуй...

Аптекарьша, спрятавшись за занавеску, слышит сиплый звонок. Оглянувшись на мужа, который храпит по-прежнему сладко и улыбается, она набрасывает на себя платье, надевает на босую ногу туфли и бежит в аптеку.

За стеклянной дверью видны две тени... Аптекарьша припускает огня в лампу и спешит к двери, чтобы отпереть, и ей уже не скучно, и не досадно, и не хочется плакать, а только сильно стучит сердце. Входят толстяк-доктор и тонкий Обтесов. Теперь уж их можно рассмотреть. Толстобрюхий доктор смугл, бородат и неповоротлив. При каждом малейшем движении на нем трещит китель и на лице выступает пот. Офицер же розов, безус, женоподобен и гибок, как английский хлыст.

- Что вам угодно? - спрашивает их аптекарьша, придерживая на груди платье.

- Дайте... э-э-э на пятнадцать копеек мятных лепешек!

Аптекарьша не спеша достает с полки банку и начинает вешать. Покупатели, не мигая, глядят на ее спину; доктор жмурится, как сытый кот, а поручик очень серьезен.

- Первый раз вижу, что дама в аптеке торгует,- говорит доктор.

- Тут ничего нет особенного... - отзывается аптекарьша, искоса поглядывая на розовое лицо Обтесова. - Муж мой не имеет помощников, и я ему всегда помогаю.

- Так-с... А у вас миленькая аптечка! Сколько тут газных этих... банок! И вы не боитесь вращаться среди ядов! Бррр!

Аптекарьша запечатывает пакетики и подает его доктору. Обтесов подает ей пятиалтынный. Проходит полминуты в молчании.... Мужчины переглядываются, делают шаг к двери, потом опять переглядываются.

- Дайте на десять копеек соды! - говорит доктор.

Аптекарьша опять, лениво и вяло двигаясь, протягивает руку к полке.

- Нет ли тут, в аптеке, чего-нибудь этакого... - бормочет Обтесов, шевеля пальцами, - чего-нибудь такого, знаете ли, аллегорического, какой-нибудь живительной влаги... зельтерской воды, что ли? У вас есть зельтерская вода?

- Есть, - отвечает аптекарьша.

- Bravo! Вы не женщина, а фея. Сочините-ка нам бутылочки три! Аптекарьша торопливо запечатывает соду и исчезает в потемках за дверью.

- Фрукт! - говорит доктор, подмигивая. - Такого ананаса, Обтесов, и на острове Мадейре не сыщете. А? Как вы думаете? Однако... слышите храп? Это сам господин аптекарь изволят почивать.

Через минуту возвращается аптекарьша и ставит на прилавок пять бутылок. Она только что была в погребе, а потому красна и немножко взволнована.

- Тсс... тише, - говорит Обтесов, когда она, раскупорив бутылку, роняет штопор. - Не стучите так, а то мужа разбудите.

- Ну, так что же, если и разбужу?

- Он так сладко спит... видит вас во сне... За ваше здоровье!

- И к тому же, - басит доктор, отрывая после сельтерской, - мужья такая скучная история, что хорошо бы они сделали, если бы всегда спали. Эх, к этой водичке да винца бы красненького.

- Чего еще выдумали!- смеется аптекарьша.

- Великолепно бы! Жаль, что в аптеках не продают спиритозов! Впрочем... вы ведь должны продавать вино как лекарство. Есть у вас *vinum gallicum rubrum*?

- Есть.

- Ну вот! Подавайте нам его! Черт его подери, тащите его сюда!

- Сколько вам?

- *Quantum satis!*.. Сначала вы дайте нам в воду по унцу, а потом мы увидим... Обтесов, а? Сначала с водой, а потом уже *per se*...

Доктор и Обтесов присаживаются к прилавку, снимают фуражки и начинают пить красное вино.

- А вино, надо сознаться, препаскуднейшее! Vinum plochissimum. Впрочем, в присутствии... э-э-э... оно кажется нектаром. Вы восхитительны, сударыня! Целую вам мысленно ручку.

- Я дорого дал бы за то, чтобы сделать это не мысленно!- говорит Обтесов. - Честное слово! Я отдал бы жизнь!

- Это уж вы оставьте... - говорит госпожа Черномордик, вспыхивая и делая серьезное лицо.

- Какая, однако, вы кокетка - тихо хохочет доктор, глядя на нее исподлобья, плутовски.- Глазенки так и стреляют! Пиф! паф! Поздравляю: вы победили! Мы сражены!

Аптекарша глядит на их румяные лица, слушает их болтовню и скоро сама оживает. О, ей уже так весело! Она вступает в разговор, хохочет, кокетничает и даже, после долгих просьб покупателей, выпивает унца два красного вина.

- Вы бы, офицеры, почаще в город из лагерей приходили, - говорит она, - а то тут ужас какая скука. Я просто умираю.

- Еще бы!- ужасается доктор. - Такой ананас... чудо природы и - в глуши! Прекрасно выразился Грибоедов: «В глушь! в Саратов!» Однако нам пора. Очень рад познакомиться... весьма! Сколько с нас следует?

Аптекарша поднимает к потолку глаза и долго шевелит губами.

- Двенадцать рублей сорок восемь копеек! - говорит она.

Обтесов вынимает из кармана толстый бумажник, долго роется в пачке денег и расплачивается.

- Ваш муж сладко спит... видит сны...- бормочет он, пожимая на прощанье руку аптекарши.

- Я не люблю слушать глупостей...

- Какие же глупости? Наоборот... это вовсе не глупости... Даже Шекспир сказал: «Блажен, кто смолоду был молод!»

- Пустите руку!

Наконец покупатели, после долгих разговоров, целуют у аптекарши ручку и нерешительно, словно раздумывая, не забыли ли они чего-нибудь, выходят из аптеки.

А она быстро бежит в спальню и садится у того же окна. Ей видно, как доктор и поручик, выйдя из аптеки, лениво отходят шагов на двадцать, потом останавливаются и начинают о чем-то шептаться. О чем? Сердце у нее стучит, в висках тоже стучит, а отчего - она и сама не знает... Бьется сердце сильно, точно те двое, шепчась там, решают ее участь.

Минут через пять доктор отделяется от Обтесова и идет дальше, а Обтесов возвращается. Он проходит мимо аптеки раз, другой... То остановится около двери, то опять зашагает... Наконец осторожно звякает звонок.

- Что? Кто там? - вдруг слышит аптекарша голос мужа. - Там звонят, а ты не слышишь! - говорит аптекарь строго. - Что за беспорядки!

Он встает, надевает халат и, покачиваясь в полусне, шлепая туфлями, идет в аптеку.

- Чего... вам?- спрашивает он у Обтесова.

- Дайте... дайте на пятнадцать копеек мятных лепешек.

С бесконечным сопеньем, зевая, засыпая на ходу и стуча коленями о прилавок, аптекарь лезет на полку и достает банку...

Спустя две минуты аптекарша видит, как Обтесов выходит из аптеки и, пройдя несколько шагов, бросает на пыльную дорогу мятные лепешки. Из-за угла навстречу ему идет доктор... Оба сходятся и, жестикулируя руками, исчезают в утреннем тумане.

- Как я несчастна! - говорит аптекарша, со злобой глядя на мужа, который быстро раздевается, чтобы опять улечься спать. - О, как я несчастна! - повторяет она, вдруг заливаясь горькими слезами. - И никто, никто не знает...

- Я забыл пятнадцать копеек на прилавке, - бормочет аптекарь, укрываясь одеялом.- Спрячь, пожалуйста, в конторку...

И тотчас же засыпает.